

К ПРОБЛЕМЕ О ПРЕДЫСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ВОПРОСА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЭМОЦИОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОЛОНИЗАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТ.

Венгер Н. В. До проблеми про історичні передумови виникнення «німецького питання» в Російській імперії: емоціологічний аналіз колонізаційної ситуації першої половини XIX ст.

Здійснено емоціологічний аналіз колонізаційної ситуації першої половини XIX ст., простежено умови формування етнічних автостереотипів між представниками слов'янських та німецькомовних етнічних груп. Аргументовано, що автостереотипи довгий час зберігали нейтральний характер, проте стали засадами ресентименту в умовах розвитку «німецького питання». У подальшому ресентимент був психологічним мотиватором агресивної поведінки народних мас російського суспільства в міжетнічних конфліктах.

Ключові слова: колонізація, «німецьке питання» в Російській імперії, ресентимент, емоційне співтовариство.

Венгер Н. В. К проблеме о предпосылках возникновения «немецкого вопроса» в Российской империи: эмоционалогический анализ колонизационной ситуации первой половины XIX ст.

Представлен эмоционалогический анализ колонизационной ситуации первой половины XIX ст., прослеживаются условия формирования этнических автостереотипов между представителями славянских и немецкоязычных этнических групп. Показано, что автостереотипы долгое время сохраняли нейтральный характер, однако в процессе формирования идеологии «немецкого вопроса» они явились основой ресентимента. В дальнейшем ресентимент выступил как психологический мотиватор группового агрессивного поведения низов российского общества в межэтнических конфликтах.

Ключевые слова: колонизация, «немецкий вопрос» в Российской империи, ресентимент, эмоциональное сообщество.

Venger N. V. Zur Frage der Vorgeschichte der Entstehung der „deutschen Frage“ im Russischen Reich: die emotionologische Analyse der Kolonisierungssituation in der ersten Hälfte des XIX. Jh.

Die Autorin hat die emotionologische Analyse der Kolonisationssituation in der ersten Hälfte des XIX. Jh. vorgestellt, verfolgt die Bedingungen der Formierung der ethnischen Autostereotype zwischen den Vertretern der slawischen und deutschsprachigen ethnischen Gruppen. Es wurde gezeigt, dass die Autostereotype sehr lange Zeit den neutralen Charakter bewahrt haben, aber im Prozess der Formierung der Ideologie der „deutschen Frage“ sind sie die Grundlage des Ressentiments geworden. Im Weiteren trat das Ressentiment als psychologischer Motivator des aggressiven Gruppenbenehmens der unteren Schichten der russischen Gesellschaft in zwischenethnischen Konflikten auf.

Schlüsselwörter: die Kolonisation, emotionale Gruppen, zwischenethnische Beziehungen, das Ressentiment, die „deutsche Frage“.

Venger N. V. To the problem of the «German question» in the Russian Empire prehistory: an emotional analysis of the colonization situation of the first half of the XIXth century.

The author presents an emotional analysis of the colonization situation of the first half of the XIXth century and shows the connection between interethnic contacts of the colonization period with the development of so-called “German question” in the Russian Empire. Special attention is paid to the processes of interaction between Slavic (the Ukrainian, Russian) and German-speaking (the Mennonites, the colonist) coloniza-

tion groups. Under conditions of colonization, inter-ethnic autostereotypes were formed. These ideas about the “others” were kept and saved in the field of collective unconscious and social memory, but under conditions of a conformist (strictly regulated) society, the autostereotypes were neutral and did not show aggression. . The mobilization of the Russian nation was carried out according to the antagonistic scenario, which caused the formation of the “German question” as one of the theoretical nationalist concepts in the Empire. The ideologists of nationalism used autostereotypes to form anti-German sentiments. The resentment of masses was formed on the basis of negative experience of contacts. The resentment is a sense of hostility, when the logic recedes, and the chaos of emotions prevails. It was used by supporters of nationalism to rally society around the titular ethnic group, to form emotional communities and to solve problems of eliminating competition with the most stable and successful ethnic groups, including Russian Germans. In the subsequent period, resentment was a psychological motivator of the lower classes group aggressive behavior in the inter-ethnic conflicts.

Keywords: colonization, the “German question” in the Russian Empire, resentment, emotional community.

Актуальность темы. После 1848 г. в Российской империи сформировался «немецкий вопрос» – многофакторное и комплексное явление общественной жизни, один из националистических концептов, нашедших своё выражение в практической политике. Как общественный феномен, немецкий вопрос следует рассматривать в контексте длительных социально-политических изменений и комплексной этнонациональной ситуации, сложившейся в России в обозначенный период, а относительная успешность его продвижения от десятилетия к десятилетию второй половины XIX ст. была обеспечена не только объективными эмпирическими предпосылками, но и субъективной составляющей – человеческим фактором, «эмоциональной энергией» части российского общества, посредством которой реальные обстоятельства развития империи приходили в движение, находили своё событийное воплощение. Хотя теоретические основы «немецкого вопроса» были впервые последовательно изложены в публикации Ю. Ф. Самарина [10; 41], предпосылки его проявления на низовом/бытовом уровне формировались намного ранее. Для Юга Российской империи (современной территории Украины) их появление следует связывать с колонизацией – государственной программой конца XVIII – начала XIX ст., в результате которой сложился особенный этносоциальный микс, в условиях которого были ситуативно созданы условия для непосредственных контактных отношений переселенцев из социальных низов Российской империи – крестьян (преимущественно государственных, великороссов), бывших казаков (малороссов – коренных жителей территории, именовавшейся ранее Землями Вольностей Запорожских) – с представителями других этнических групп. Субъектами колонизации являлись люди, в личностях которых объединено материальное и духовное, физическое и психическое. Культурное пространство колонизации определялось мно-

жеством идентификационных процессов (локализацией, аккультурацией, этнической самоидентификацией, межкультурными коммуникациями, заимствованием и взаимовлиянием), которые сопровождались определённым эмоциональным фоном и закономерно привели к закреплению этнических автостереотипов. Задача данной публикации состоит в том, чтобы рассмотреть колонизацию как этап взаимодействия менталитетов, когда через призму эмоций и настроений, которые явились непосредственным результатом опыта прямых, непрямых и дистанционных контактов между колонистами/меннонитами, малороссами и великороссами формировалось представление отдельных этнических групп друг о друге. Возникшие на раннем этапе межэтнического взаимодействия противоречия и взаимные претензии по мере развития российского националистического проекта воплощались в реальное явление – «немецкий вопрос», который ангажировал всё большее число прямых адептов и сочувствующих (участников «эмоциональной группы – сообщества»), сторонников активных действий для «разрешения» данной не столько межэтнической, сколько социальной проблемы. Каким образом и из кого формировалось данное эмоциональное сообщество? Каковы истоки восприимчивости антинемецких лозунгов социумом? Данные вопросы всё ещё требуют ответа исследователей.

Задача выяснения эмоционального наполнения колонизации, хотя и является необходимой, остаётся непростой для разрешения. Социальная психология и особенно историческая эмоциология [11; 24] все ещё являются малопризнанными областями и методиками исторических исследований в среде постсоветских исследователей. Их редкое и случайное использование – скорее результат экспериментов отдельных авторов (который, кстати, каждый раз сталкивается с непреодолимым скепсисом со стороны оппозиционной

части противников данной методики), попытка выразить ними своё восприятие и понимание интерпретируемого материала. До настоящего времени инструментарий такого исследования остаётся малоразработанным. Под сомнение ставится вопрос о праве автора-историка использовать психологические понятия и терминологию для исторического анализа, применительно к текстам прошлых эпох (тексты мы понимаем в том широком семиотическом смысле, который применяли к данному термину К. Леви-Стросс и Ю. М. Лотман) [25; 26]. Мы попытаемся оценить «эмоциональную составляющую» колониальной ситуации, используя известные нам факты из области истории колонизации для понимания того, что лежит в их основе – человеческой природы, которая, собственно, и определяет ту или иную стратегию поведения индивида, совершение поступков. Заглядывая вперёд, обозначим, что ключевым рабочим понятием нашего исследования является феномен ресентимента. Появлением данного термина мы обязаны Ф. Ницше, а его дальнейшее описание было выполнено в работах М. Шеллера [31; 48].

Колонизация и этническая самоидентификация. Для нас аксиоматическим является утверждение о том, что этничность, национальность и национализм включают в себя эмоциональную составляющую, то есть эмоционально предопределены и эмоционально выражены. Если мы признаём наличие у отдельных этнических групп национального характера (нетождественность терминов «этничность»–«национальность» в данном определении закрепились в науке), наполненного определённым набором личностных качеств людей, окрашенного их темпераментом, мы не будем отрицать и присутствия эмоций, которые возникают при столкновении разных типов характеров – контактах представителей различных этнических групп. Гордость, достоинство, обида, страх, унижение, превосходство и, в результате, антипатия (непонимание/отторжение), либо же эмпатия (признание/принятие) являются важнейшими элементами межэтнического сравнения. Таким образом, наблюдаемый нами событийный ряд колонизации, поведенческие проявления представителей отдельных колониальных потоков по отношению друг к другу являются лишь вершиной айсберга – следствием более глубоких факторов, а именно эмоционального императива участников этих событий.

Интуитивно осознавая неизбежность появления проблем межэтнической коммуникации, которые должны были возникнуть в результа-

те полиэтничного заселения новых земель, князь Григорий Потемкин в «Греческом проекте» прописал право этнических групп селиться отдельно, поясняя это очевидной для него рациональностью [15, с. 154, 180]. В планах князя нашел выражение важнейший принцип переселенческой политики, провозглашённый впервые в Манифестах 1762, 1763 гг. – создание для иноземцев комфортных условий при минимальном соприкосновении народов с разной культурной и религиозной традицией. Наряду с предотвращением контактов данный принцип заселения должен был минимизировать конфликты между отдельными диаспорами, которые вели, несмотря на схожесть хозяйственных занятий, связанных с аграрным сектором, различный образ жизни, говорили на своих языках и придерживались собственных религиозных традиций. Таким образом, власти изначально создавали условия для сохранения ментальных границ между представителями диаспор, что отвечало естественному стремлению колониальных групп снизить для себя угрозу ассимиляции. В данной этнической конфигурации у отдельных колониальных групп автоматически активизировалась одна из основных ценностных доминант – установка на изоляцию. Для сохранения идентичности разделение на «своих» и «чужих» было принципиальным условием [45] – колонисты прибыли на новые земли не для того, чтобы бесследно раствориться в новом этно-социальном конструкте. Так планировалось изначально. Однако, как показывают современные исследования, очень скоро данные границы стали утрачивать свою плотность [28]. Прежде всего это случилось в результате появления хозяйственных, а в дальнейшем административных потребностей как самих иноземцев, так и колониального управления.

В ходе масштабной переселенческой программы с 1782 по 1858 гг. на территорию современной юго-восточной Украины переместилось большое количество славян (преимущественно крестьян из российских (Смоленской, Орловской, Курской, Воронежской), украинских (Слободской Украины) и белорусских регионов), немецких колонистов и представителей других этносов (болгар, греков, гагаузов, ногайцев, швабов и других) [9]. Благодаря этому, уже в конце 1850-х гг. сформировался определённый устойчивый этнический состав населения, в котором украинцы (малороссы) составляли 148 326 чел., русские – 18 759, евреи – 25 537, немцы – около 20 004 чел. Количество представителей других национальностей составляло 13 508 чел. [19].

Объясняя организационные и административные сложности управления столь пёстро заселенными территориями, герцог Арман Эммануэль де Ришелье писал Александру I: «Никогда, Ваше Величество, ни в какой другой части света не сосуществовали нации, так отличающиеся по образу жизни, языкам, традициям и одежде, проживая при этом на очень ограниченной территории...» [20]. Поскольку основные идеологемы будущего «немецкого вопроса» будут основаны именно на противопоставлении «славянства» и «германизма» (между которыми публицистами и политиками националистического толка будут найдены «непримиримые противоречия»), для нашего анализа наиболее существенным является опыт взаимодействия двух ментально противоположных друг другу групп населения – славянской (малороссов и великороссов) и немецкоязычных поселенцев (колонистов/меннонитов).

Для того, чтобы понять, сколь глубоки были противоречия между ними, а также существовали ли они вообще, обратимся к анализу ментальных характеристик (набору некоторых архетипичных константных качеств, культурных особенностей, которые проявляют себя автоматически в социальных событиях) представителей трёх важных для нас этнических групп. Примем во внимание, что национальная психология каждой этнической группы формировалась под воздействием географических, историко-политических, общественно-экономических условий существования этнической группы. Как уже было упомянуто, малороссы составляли большую часть славянского населения трёх губерний. Поскольку в начале колонизации, когда ещё была свежа память и «травма» о Запорожской вольнице и Сечи, разница между прибывшими сюда великороссами (русскими) и проживавшими здесь малороссами (украинцами, казаками) была достаточно показательна. Несмотря на близость двух славянских языков, колонисты четко идентифицировали своих контактеров и видели различие между ними. Особенности поведения малороссов были связаны с исторической памятью о казацких вольностях, привилегиях казачества, их полуголодном образе жизни и невозможности полного сохранения старого уклада в новых условиях. Характеристики казачества, датируемые второй половиной XVIII ст., были представлены как русскоязычными и украиноязычными авторами, так и иноземцами [47, с. 73–121]. Воспользуемся записками Г. Готлиба (1729–1802) – немецкого путешественника, профессора минералогии, родившегося

в Померании и умершего в Санкт-Петербурге, который составил вполне позитивную характеристику коренного населения территорий [13]. По наблюдениям исследователя, казаки и малороссы отличались крепким здоровьем, лёгким характером, взрывным темпераментом, непредсказуемостью поведения, чувством собственного достоинства («При всем таком открытом и весёлом нраве малороссияны весьма хранительны; при наружной простоте насмешливы, горделивы, при всей терпеливости обид и угнетений, когда бывают принуждены испытать, то не уважают самой величайшей для себя опасности») и религиозностью («верны Богу...»). Вместе с тем, отмечал автор, «эти мужественные люди храбры, тверды, но склонны к праздной, беспечной и недействительной жизни». Они талантливы и обладают хорошими познавательными способностями («понятливы и склонны к обучению языкам и наукам») [13, с. 345]. Готлиб также вспоминал о коллективизме и умении малороссов самоорганизовываться. Они придерживаются традиций проведения общих собраний, на которых казаки часто отступали от процедуры, мирного обсуждения проблем и вели себя непредсказуемо: «... Их собрания редко проходили без ссор и драк, ибо всегда бывали недовольные, коим то то, то другое не нравилось, или же поднимали ропот, что присланное от Императорского Величества жалование не все раздавалось... и сие происходило со столь великим криком и угрозами, что начальники не смели ни слова против того сказать» [13, с. 364]. Как особое сословие, чья история была наполнена событиями военной истории, казаки признавали право сильного («Право сильнейшего было у них правом неоспоримым»), были терпеливы к испытаниям, порой жестоки (автор упоминает о наказаниях), часто воинственны («курень выступал против другого»), несдержанны в употреблении алкогольных напитков («пьянство в Сечи не было пороком. Шинкари и лавочники – наиболее богатые на Сечи») [13, с. 372]. Создавая в целом весьма позитивный и наполненный симпатией образ малороссов, Готлиб, как последовательный сторонник российской монархии и поклонник Екатерины II, оправдывал политику разрушения Сечи, поясняя её тем, что «по необузданной их (казаков) жизни и по отдалению их нельзя было отнюдь содержать в повиновении» [13, с. 372].

О том, что встречались среди бывших казаков и абсолютно мирные хозяева, вспоминал бывший запорожец, житель Екатеринославской губернии Корж: «Из женатых и сидящих в зимовниках мало было преступников...» [23,

с. 17]. Как писал несколько позднее (1827 г.) М. Максимович, «особенность малороссиян – скоропостижное соединение двух первоначальных образов жизни – некогда наезднической, буйной, беззаботной, с ленивым однообразием и скудостью жизни пастушеской и оседлостью земледельческой» [27]. Подтверждая данные наблюдения, А. Н. Костомаров в работе «Об историческом значении русской народной поэзии» (1843) заметил: «Главные типы народной общественной жизни малороссов есть: казак и поселянин... Малороссы окончили своё воинственное призвание, настали времена другие. Народ, долгое время искавший свободу, нашёл её – надобно ж ему пользоваться своим приобретением: сабля заменилась косою, пушка – плугом» [22, с. 139–140].

Поразительно, что характеристики казачества, представленные современными авторами, и, что особенно важно, украинскими, сходны с более ранними оценками, включая и замечания немецкого географа. В проблемном исследовании П. Саса упоминается, что национальный характер казачества, их ценностные категории сформировались в XVI–XVII вв., то есть за столетие до начала колонизации и утверждения на данных землях имперских традиций [42]. Автор упоминает о существовании у казачества некоторого «неписанного кодекса чести», который включал в себя такие важнейшие характеристики и понятия как гордость, свободу, самоуважение, «доброе имя», слава, отвага, самопожертвование. Важным в системе ценностей казачества было понятие запорожского товарищества, групповой патриотизм. У казачества существовало такое понятие, как «казацкий хлеб», которое обозначало способы добывания казаками средств для существования. Такая деятельность была почетной и имела далеко не мирный характер, а часто была связана с использованием оружия и предоставляла допуск на насилие. Следует принять во внимание, что после разрушения Сечи, в условиях утраты социального и личностного суверенитета, разрыва с традициями «казацкого хлеба» идентичность казачества должна была переживать кризис. Они потеряли самоощущение свободного и независимого сословия, на землях которого в 1783 г. было установлено крепостное право. Данные цивилизационные изменения приводили к болезненной трансформации идентичности и проявились во взаимоотношениях казаков и немецкоязычных переселенцев.

На землях казацких слобод были заложены колонии Бабурка (в память о казаке Бабуре),

Средняя и Нижняя Хортица, Капустянка [32; 34]. О первых межэтнических контактах историкам Д. Яворницкому и Я. Новицкому поведали современники первых волн эмиграции, среди которых был Я. Гепнер. Он сообщал, что жизнь первых поселенцев была небезопасной, и колонии неоднократно становились жертвами набегов блуждающих банд и отдельных разбойников (бывших казаков, местных государственных и беглых крестьян) [49, с. 203–204]. В своих рассказах старожилы упоминали имена казаков Дворяненко, Бабуря, Громухи – первых соседей, общение с которыми формировало у колонистов как позитивный, так и негативный опыт познания местного населения [там же]. Характер межэтнических контактов и их эмоциональная оценка определялись не только особенностями славянского менталитета, но также и тем, что запорожцы – бывшие казаки – были милитаристским сословием, которое ранее нередко сталкивалось с чужеземцами в военных кампаниях, а потому им не было свойственно почитание и преклонение перед иноземным, что в целом являлось качеством великороссов.

Старожилы упоминали имя некоего казака Дворяненко, который активно сотрудничал с немцами, однако первое знакомство с ним было ознаменовано неприятным происшествием. Тогда перед меннонитами предстал высокий сильный широкоплечий человек, в широких шароварах, на босу ногу, вооружённый ножом специфической формы. Весь вид прихожанина был воплощением стихии, с которой необходимо было сосуществовать. Первое знакомство было визуальным – вербальный контакт был исключен ввиду незнания языков. Утром опасения переселенцев подтвердились – обнаружилась пропажа лошади. Неподалёку был найден нож – улика, которая указала колонистам на похитителя. В дальнейшем новопоселенцам удалось наладить контакт с казаком, который сумел освоить немецкий в объёме, необходимом для общения. Как в дальнейшем выяснилось, Дворяненко имел пасеку и большое хозяйство, то есть в целом был небедным человеком [34, с. 162]. Когда же его однажды спросили, зачем ему понадобилась та злополучная лошадь, он, не задумываясь, ответил, что не может изменить свою натуру [49, с. 200].

Позитивный опыт первого общения связан с дружбой с казаком Бабурой – как говорят на Украине, крепким хозяином, владельцем большого дома, история взаимоотношений с которым изложена в книге Я. Новицкого «Народная память о Запорожье». Он имел большой фруктовый сад, и к нему жившие здесь

простые запорожцы-рыбаки относились с особым уважением. Когда на остров Хортицу прибыла первая партия меннонитов, Бабур сам проявил инициативу и посетил депутата Геппнера, а на следующий день прислал колонистам подарки – гусей, уток, кур для разведения [32, с. 369]. Самые добрые воспоминания также были связаны и с именем запорожца Громухи – зажиточного и хлебосольного гостеприимного соседа [49, с. 163].

Большая часть переселившегося на южные земли русскоязычного населения – великороссов была представлена государственными крестьянами. При этом следует учесть, что в конце XVIII ст. на территориях бывшего войска Запорожского (Екатеринославского, Херсонского, Новомосковского, Александровского, Ростовского и Павлоградского уездов) также активно осуществлялось частновладельческое переселение. (в 1776–1781 гг. было образовано 487 новых селений. Из них 409 частновладельческих и 78 государственных) [19, с. 258].

В русской ментальности и современники тех далёких времен, и близкие к нашей эпохе исследователи всегда видели сочетание множества противоречивых качеств. Современные историки замечали, что «пейзаж русской души отвечает пейзажу русской земли: безграничность, бесформенность, нацеленность на бесконечность, широта» [5, с. 67]. Вместе с тем русскому человеку были свойственны и лень, безответственность, непрактичность, беспечность; жестокость и симпатия, терпение и эпилептоидность, двойственность менталитета. Кстати, как свидетельствуют психологи, лень может возникнуть в результате неудовлетворенности ситуацией, апатии, отсутствия цели, которые парализуют человеческую волю и лишают радости труда, который оказывается для данной социальной группы малопродуктивным [там же]. В характеристике русской натуры самими россиянами выделяются такие противоречивые качества, как сочетание гонора и раболепия, «терпимости и нетерпимости одновременно», «разобщенности и способности на единение только в трудную минуту» [43, с. 120]. Примем во внимание мнение современных нам психологов, которые сообщают, что и в текущих опросах русские все ещё отмечают именно немцев в качестве своей полной противоположности [там же].

Готлиб полагал, что большая часть россиян обладает характером «сангвинико-холерического или весело-гневливого свойства, или же наоборот с примесью более-менее меланхолического или задумчивого, но редко

флегматического или недеятельного, а ещё реже чистого задумчивого или мрачного». Великороссы решительны, отважны, предприимчивы. Готлиб упоминал, что россияне были «большею частию веселы, беспечны до ветренности, ... способны понимать скоро всё и делать; выдумщики к сокращению работы... В пристрастиях не умеренны, скоро теряют середину и впадают в крайности». Географ также утверждал, что великороссы недостаточно заботятся о своём будущем [13, с. 85] и любят праздники более, чем работу [13, с. 179].

Интересные наблюдения-характеристики российского крестьянина оставил в своих заметках и граф П. Киселёв. Заняв должность главы Министерства государственных имуществ, бывший военный, граф Киселёв провел ревизию состояния государственных крестьян. В своих заметках он оставил для будущих поколений исследователей замечательный анализ не только хозяйственного состояния данного сословия, но и обнаружил весьма понятную связь их образа жизни, ментальных характеристик (над которыми, как он полагал, следовало работать с целью «исправления») с результатами их деятельности [17, с. 19]. Следует предположить, что те же самые качества своих соседей могли подметить и колонисты. Киселев, например, писал о склонности крестьян к лени. Это качество он считал признаком безнравственности, однако граф обвинял в его наличии не столько самих крестьян, сколько «правила их существования», установленные самой российской жизнью: «Безнравственность установленных властей и самих крестьян достигла высшей степени и требует усиленных мер для искоренения злоупотреблений, которые расстроили государственный быт крестьян в самом основании, породили в них нерасположение к труду, и без того мало вознаграждаемому, и тем остановили, в некоторых случаях уничтожили надлежащее развитие государственного хозяйства» [17, с. 21]. Страшным повсеместным пороком крестьянства являлось пьянство: «Трудно вполне представить себе, до какой степени губительно действует пьянство на быт и нравственность нашего мужика... Если вы встречаете в казенной деревне разрушенные избы, бедность, народ худой, крестьянок, едва имеющих подобие женщин, детей несчастных, поля необработанные по неимению лошадей, то будьте уверены, что в самом селе есть кабак... пьют говоря: ²Ведь надо же государю доход мерить...² Страсть к пьянству порождает у него (крестьянина) удивительную беспечность; однажды от него разорив-

шись, он уже не в силах сдержаться, не выносит удара, но придаётся страсти ещё более» [18, с. 309]. И далее: «Нет такой гадости, которую мужик не сделал бы под пьяную руку, и наш народ, вообще смиренный и покорный, в минуту пьяного буйства готов на всякие жестокости» [18, с. 311].

Он также утверждал, что некоторые крестьяне осознавали ненормальность своего положения и ждали изменений в своей жизни, но, опять же, оставались пассивны и желали получить благодеяния сверху, от властей и по милости монарха. Тот дух крепостного права, который являлся определённой аурой, социальным воздухом жизни государства, пронизывал снизу доверху все социальные страты традиционного общества, парализовывал крестьянство («дух крестьян вообще покорный; в особенности сим отличаются домоседы или исключительно занимающиеся хлебопашеством») [17, с. 21]. Государство и власть не верили в способность русского крестьянина совершать самостоятельные продуктивные действия: «Во всех своих сношениях с простым народом высший класс видел в нём не цель, а средство, и только одно средство – рабочую силу и ничего более. Все, что могло образовать его, развить в нём человечность, отстранялось сначала по невежеству, потом по системе, в основание которой полагали ту несправедливую и антисоциальную мысль, что дикарём управлять легче» [17, с. 306]. Перед колонистами же, которые, в определённом смысле, находились вне зоны социального комфорта, в постоянном поиске, в условиях вначале адаптации, а затем реализации государственных проектов, государство ставило множество задач, желая получить от них хозяйственный результат, продуктивность, экономическое воздаяние за вложенные в программу переселения деньги. Недавно опубликованные переписки С. Х. Контениуса, Й. Корниса наглядно демонстрируют, насколько власти были последовательны в своём «давлении» на переселенцев, стимулируя их к достижению новых результатов, ставя перед ними новые задания и принуждая к их решению [21; 51]. В некотором смысле именно благодаря данной политике, колонии были успешны. Отношение к «своим» крестьянам и подданным со стороны российских властей являлось своеобразной антитезой восприятия иноземцев.

Обращаясь в своих работах к описанию характеристики крепостных крестьян, П. Д. Киселев уделял большее внимание их моральному состоянию, при этом сравнивая их качества с государственными крестьянами.

Политик писал о полной обезличенности и обездоленности крепостных: «Если у государственных крестьян начинают просыпаться понятия о личности... то у помещичьих крестьян понятие о личности не существует. Совершенное отрицание личности выражается: в службе господину без всякого вознаграждения; в том же равнодушии, с которым они сносят нарушение самых священных прав человека – прав семейных... В этой философии заключается целая система понятий о крепостном состоянии» [13, с. 303–304]. Привыкнув к своему положению и осознавая безысходность, предзаданность своего образа жизни и её результатов, крестьяне терпеливо и покорно переносили все трудности своего положения: «Бедность большей части помещичьих крестьян, частые перевороты в их судьбах заставляя терпеливо вносить разного рода лишения, порождает в них важный порок – отсутствие стыда. Нередко крестьянин предпочитает подавание – честному труду. Если после голодного года наступает изобильный, то нищенство не заканчивается...» [18, с. 308].

Придавленный такой жизнью человек не может быть счастлив, он лишён чувства собственного достоинства: «Иностранцы укоряют наш народ в отсутствии чести. Сколько ни горек этот упрек, но он справедлив... Крестьянин, находящийся беспрестанно между принуждением, страхом и лишением, обыкновенно прибегает к хитрости и обману... он передает эту привычку своим детям» [18, с. 312].

Что же, по мнению Киселёва, могло способствовать духовному совершенствованию, моральной устойчивости и воспитанию достоинств преимущественно необразованного мужика? Такую функцию могла бы выполнять религия, однако упадок духовности был столь силён, а понимание «религиозных обрядов было столь чуждо его необразованному уму», что в крестьянине Киселёв видел лишь «только расположение к религиозности...» [18, с. 313]. Не получая ни должного воспитания, ни элементарного образования, крестьяне «неосознанно совершают крестное знамение», «знают две-три молитвы, и то уродуя их...». С именем Бога они готовы произносить самую бессовестную ложь, а «барщину в праздники крестьяне сносят без ропота» [там же]. При этом государственные крестьяне избегали работы в «святые» дни.

О падении нравов свидетельствует и тот факт, что крестьяне были способны поднять руку на своего помещика, вплоть до совершения смертного греха, о чем свидетельству-

ет один из примеров – убийство помещика Келлера в Саратовской губернии [там же]. Впрочем, во всех вышеназванных проявлениях ролевой модели крестьянства граф Д. Киселёв обвинял скорее не самого мужика, а обстоятельства его существования. Чиновник утверждал, что «крестьяне удерживаются в повиновении единственно страхом», и был убеждён, что «образование человека никак не совместно с рабством» [18, с. 313, 323–324]. Киселёв также замечал, что положение крестьянства снижало темпы развития региона: «...Крепостное состояние, привязывая насильственно человека к земле, отстраняет развитие промыслов даже оброчными крестьянами» [18, с. 328].

Современники отмечали, что отношение к собственности и ответственность за неё у великороссов не достигло уровня зрелости. Как вспоминал С. Олексеенко, в сознании крестьянства земля считалась ничьей или, по крайней мере, принадлежала царю – «помазаннику божьему» и никогда не принадлежала земледельцу [35, с. 75]. Не следует ли из этого, что то, что изначально никому не принадлежало, а затем было предоставлено в пользование, может с такой же лёгкостью быть отторгнуто у него? Не содержится ли в этом зерно того упрощенного и спокойного отношения к посягательству на собственность, которое стало одним из проявлений «немецкого вопроса»?

Исследования запорожского историка проф. А. Бойко показали, что ко времени заселения меннонитов и немцев на Юге фактически не существовало пустующих земель. Поскольку дворянство, получившее земли бывшего Дикого Поля, не выполняло обязательств освоения земель (заселения земель крестьянами и построения на них первых небольших промышленных заведений) [7, с. 21], колонисты получили право преимущественного выбора мест поселения. Колонии Хортица и Розенталь (1789 г.) были основаны на месте ранее существующей деревни, принадлежавшей князю Г. Потёмкину, чьи крестьяне были переселены на новые участки [33, с. 178]. «На балке Бабурке, близ впадения ея в Днепр, — пишет Я. Новицкий – была русская слобода, которая переведена в другое место после 1803 г., когда на той же балке, в одной версте от Днепра, основана была меннонитская колония Бурвальд (в народе Бабурка)» [49, с. 23]. Меннонитское с. Хортица было основано на казенных землях с. Григорьевки, которые вначале принадлежали князю. В 1789 г. Потёмкин передал Хортицу государственной казне, и здесь были поселены меннониты-пе-

реселенцы. «Раздача» земель и средств колонистам были продолжены в дальнейшем. Самый известный факт – Иоганн Корнис получил за образование образцовой фермы 500 дес. земли [12, с. 294]. Нам понятны причины передачи угодий. Власти желали предоставить землю тем, кто ею может эффективно распорядиться. Но едва ли данный фактор мог восприниматься с пониманием местным населением. Даже в условиях крепостного права, крепостного менталитета и ощущения безальтернативности судьбы, видимо, свойственных крестьянскому сознанию, не следует исключать появление эмоционального неприятия соседей, которое в последующем, закрепляясь исторически, приобретало форму архетипа и автостереотипа. По крайней мере, факт выселения «своих» ради «чужих» мог запомниться и в нейтральной эмоциональной валентности. Вместе с тем, в определённом смысле, колонисты также могли оцениваться местными крестьянами как «агенты царя», поэтому на фоне их «наивного монархизма» («царь-батюшка всегда прав», «если царь пожелал – значит, так тому и быть») в целом появление новых соседей было воспринято весьма нейтрально.

С такими объективными проявлениями крестьянского менталитета ситуативно сталкивались немецкие колонисты и меннониты, чей замкнутый мир, вопреки проекту Потёмкина, не был столь непроницаем. Как утверждают современные исследователи, немецкая ментальность строится на важном понятии – ответственности, и это выражается во всех сферах жизни – личной, хозяйственной, конгрегационной. Будучи последовательными в своих религиозных пристрастиях, строгих правилах религиозной нравственности (такими было большинство из них), получив право личной свободы, работая на себя и свою конгрегацию, которую, например, меннониты называли «общиной избранных», колонисты склонны были более тщательно относиться к труду, проявляли уважение к членам своего религиозного сообщества. Религия учила всех истинноверующих терпению, лояльности к власти. Если говорить о меннонитских колониях, то каждое поселение было своеобразным «книжным клубом» вокруг Библии, где люди учились морали каждый день. Знание Библии было обязательным. Все цитировали Библию, и любой глава общины начинал свою речь, фактически каждое письмо, каждое рутинное занятие цитатой из Библии, и ею же каждое свое дело заканчивал (доказательством этому может служить эпистолярное наследие И. Корниса).

Будучи постоянно задействованными в своих аграрных занятиях, колонисты избегали лишних разговоров и чрезмерной эмоциональности. Для немецкой ментальности в целом характерны рационализм и последовательность, умение подавлять эмоции. Они показали себя как тихие, скромные и нерасчетливые люди, деловые, рассудительные соседи [5, с. 68]. Немецкие семьи отличались особым религиозным климатом, взаимопониманием, скрупулезным подходом к воспитанию детей. Уважая семейные ценности и семейную корпоративность во всем, они ответственно подходили к воспитанию детей, приучая их к труду и знанию религии. Важно понимать, что немцы-лютеране и меннониты были носителями протестантской ментальности. А эта культура – диалогическая, что проявлялось не только в проведении религиозных собраний, но и в обыденной жизни, формировало в их общинах основы гражданственности и социальной ответственности. Вопрошая к Богу, ведя индивидуальный диалог с Творцом, они, тем не менее, в некоторые моменты отказывались вести диалог с другими, поскольку дистанцировались от всех, независимо от их этно-конфессиональных характеристик. Сохраняя религиозную замкнутость, они придерживались религиозной толерантности, проявляя уважение к религии в принципе, хотя каждый из них считал свою веру самой правильной и истинной. Для меннонитов их религиозная идентичность была более значима, чем индивидуальная. Вместе с тем правовые условия (частная собственность, социальное и имущественное расслоение) препятствовали утрате индивидуальности. Они не менее, чем другие крестьяне, боролись за выживание.

Трудились немцы рационально и продуктивно. Как отмечают современные исследователи, немцы и русские имеют полюсную характеристику труда: «Первые – педанты, индивидуалисты, экономай, доводят работу до конца и не ищут лёгких денег. Российское трудолюбие носит более импульсный «аккордный характер» – мобилизация всех сил для выполнения задания, а затем – понижение трудовой активности» [5, с. 66].

Сочетание элементов протестантских ценностей, которые были глубоко укоренены в мировоззрении и менталитете меннонитов и лютеран, с условиями общественного самоуправления на территории колоний сформировало особый тип личности, чье поведение и образ жизни носили общественно активный характер, что отличало их от ближайших соседей – православного крестьянства.

Российские и малороссийские крестьяне воспринимали окружающую природную и социальную среду как установленную данность, которую следует не изменять, а принимать. Многие столетия их предки привыкли подчиняться существующим обстоятельствам, учились адаптироваться к ним, рассматривая «сопротивление» традиции как бесполезное занятие. Меннониты, лютеране, носители элементов протестантской ментальности, проявляли способности не только приспособления к внешним социальным и экономическим условиям, но и преобразования внешних обстоятельств согласно своим потребностям. По легенде, один из посетителей колоний, который увидел удивительно высокий урожай, полученный меннонитами, ухоженные посёлки и красивые дома, спросил: «Эти меннониты молятся другому Богу?» [50, р. 34].

Колонизация и этностереотипы. Каковым было ментальное взаимодействие и взаимное восприятие представителей трёх этносов? Какие автостереотипы формировались в ходе данных процессов? Для ответа на эти вопросы опираемся на выводы психологов о том, что обыденное сознание оценивает обычаи, нравы и формы поведения «другого» только через оптику собственной этнической группы, а именно любой этнической группе свойственна этноцентрическая картина восприятия мира [5, с. 52].

Для анализа взаимных этнических стереотипов современные социологи используют метод так называемых свободных характеристик, в ходе проведения которого производится опрос контрольной группы в составе не менее ста человек с последующей процедурой контент-анализа [43, с. 116]. В результате такого исследования должен быть получен некоторый «модальный ассоциативный ряд качеств» – этнических автостереотипов. По понятным причинам, исследуя период колонизации, мы не имеем возможности прямого применения данного метода. Однако вполне применимы для нашего анализа являются следующие выводы современной этнопсихологии: 1) отсутствие прямых контактов с этнической группой не исключает присутствия этностереотипов и их истинность (ответы, полученные в ходе исследований от таких реципиентов, признаются как вполне приемлемые); 2) существует также теоретическое положение о том, что идентификация строится на сравнении, и в этностереотипах опрашиваемые традиционно фиксируют именно те положения/качества, которые не являются модальными (характерными) для представителей собственной этно-национальной груп-

пы [там же]. Самоидентификация – это попытка осознать свое отличие от другого народа в орбите повседневной жизни. Именно таким путём – путём дифференциации формируется этническая память о «другом», и каждая из этнических групп в своих этностереотипах о представителях других этносов фиксирует черты, которые отличают её от другой. Исходя из данных суждений, мы считаем вполне корректной попытку воссоздания взаимных представлений россиян/малороссов и представителей немецкоязычных групп, основываясь на принципе «они – не мы». Это позволяет опереться на два виртуальных источника: возможный визуальный ряд (что могли представители различных этносов видеть друг у друга?), а также на характеристики-антиподы, то есть на качества, не присущие анализируемой группе. Используя данный метод, следует предположить, что колонисты/меннониты могли выделять в своих православных соседях следующие качества: общительность, улыбчивость, доброту и открытость, радушность, но при этом – отсутствие трудолюбия/леность/недостаток хозяйственных навыков (плохие хозяева, поскольку плохо одеты, их дома и селения не отличаются ухоженностью), малорелигиозны (работают в праздники), расточительны и склонны к чрезмерному употреблению спиртных напитков (деньги несут в кабаки), неорганизованы и плохо относятся к своим соплеменникам/семьям, проявляют мало активности в жизни своей общины. Они также не отличаются надёжностью, что, видимо, и явилось причиной того, что российская императрица вынуждена была приглашать на свои территории нас, иностранцев, предоставляя привилегии. Быт и менталитет местного населения в целом был мало понятен колонистам.

Малороссы и россияне могли воспринимать немцев как законопослушных подданных (подчиняются правилам), деловитых, домовитых (заботятся о своих семьях), трудолюбивых, экономных (лишний раз в кабаки не зайдут, на ярмарках изрядно торгуются), состоятельных и чистоплотных (дворы имеют ухоженный вид) хозяевах. Колонисты и меннониты жили своим особым миром, следовательно, для окружающих они – замкнуты («себе на уме» (уже хотя бы исходя из различия языков и религий), счастливчики (пришли на нашу землю и получили по какой-то причине лучшие права), которые сохраняют традиции и проявляют высокомерие по отношению к окружающим. Учтём, что в русской ментальности сочувствие к неблагополучному состоянию соседа проявляется охотнее,

чем радость за успешность последнего. Достижения соседа вызывают скорее зависть – чувство досады за себя как к находящемуся рядом индивиду. Вместе с тем наивный монархизм крестьян, их вера в царя, по велению которого немцы были водворены на данных землях, ограниченность их прав, нахождение вне общественной жизни России придавали этим характеристикам некую индифферентность – «не холопые это дело судить о мотивах поступков матушки-императрицы» (так, скорее всего, рассуждали или же воспринимали колонистов недавно пришедшие на данные земли великороссы). Все виртуально подмеченные качества (в том числе и негативные) воспринимались эмоционально нейтрально и не проявлялись в контексте отторжения, носили, как оценивают такое состояние психологи, конструирующий («мы – разные, но это нас не беспокоит, это – нормально»), а не оценочный («они – чужие и наши страдания, наша обездоленность связана с их появлением») характер. Уточним также, что традиционно в российском обществе отношение к иностранцу было не только толерантным, но и отличалось некоторым пиететом. Выделяя толерантность как важное свойство русской природы, Готлиб писал: «При всей непоколебимой привязанности к своему исповеданию, российские владетели и народ издревле терпели у себя иностранных и позволяли им свободно отправлять свои Благочествия» [13, с. 193]. В условиях переселения колонисты/меннониты воспринимались окружением (в данном случае речь идёт о низах общества) как «свои чужие», скорее индифферентно, чем с оттенком негативности. Большинство примеров взаимодействий показывают, что предубеждённость одного народа против другого фактически отсутствовала. Такая оптика во многом характерна для средневековых и в целом традиционных обществ. Как утверждал М. Шеллер, средневековый крестьянин периода домодерного общества не сравнивал себя со своим господином точно так же, как и ремесленник не сравнивал себя с рыцарем. Крестьянин равнялся, в лучшем случае, на более богатого или уважаемого крестьянина: сравнение происходило только внутри собственной сословной сферы. У каждого сословия был свой круг жизненных задач, связанный со спецификой его деятельности, и эта идея особой жизненной задачи, присущая группе как таковой, удерживала сравнивающее восприятие в рамках отдельных общностей. Другими словами, «если последние между собой и сравнивались, лишь как групповые единства» [48, с. 148]. Человек, живущий в рамках

традиционного, регламентированного ограничительными «условностями общества», в определённых рамках едва ли будет беспокоиться об изменении своего положения. Для него было характерно отсутствие «установки на улучшение мира» и выполнение собственного жизненного сценария за образцом того, как его совершали его родители. Таким образом, следует предположить, что на начальном этапе колонизации между представителями отдельных групп присутствовала так называемая коммуникативная толерантность [36, с. 80; 38]. Как показывают многочисленные исследования, конфликты и недопонимания между представителями отдельных этнических групп (а не группами в целом – «стенка на стенку») существовали, однако они не приобретали характер межгрупповых противоречий и не достигали уровня интолерантности. Этому способствовал определённый уровень социальной дистанции, который оставался весьма высоким, а также законы. Например, власти законодательно создавали препятствия для межконфессиональных браков. Проблема браков между колонистами и неколонистами поднималась уже в 1812 г. Государство опасалось таких союзов, поскольку не могло обязать неколониста выплачивать долг будущего супруга.

Социальная дистанция, инициированная самой этнической группой, является механизмом социально-психологической защиты, направленной на отдаление от «других» и сохранение собственной идентичности [38; 45]. Изначально сохранение дистанции было важным, прежде всего, для иноземцев, но по мере активизации культурных и экономических контактов она должна была неизбежно сокращаться. Похоже, что великороссы опасались данного «сближения» в меньшей степени. О снижении социальной дистанции, например, свидетельствует факт появления баптизма. Сложно восстановить логику суждений украинцев и русских, добровольно принявших баптизм, однако известно, что изначально вышедшие из православия посещали молитвенные собрания Братских меннонитов, копировали их богослужebные и бытовые традиции [6, с. 233]. По нашему мнению, одной из причин появления баптизма (наряду с множеством других) следует считать стремление отдельных крестьян получить поддержку от более стабильной и финансово независимой меннонитской общины. Успехи меннонитов рассматривались крестьянством как благодать со стороны Бога. Крестьяне хотели быть сопричастными к этому благополучному и более стабильному миру с его стро-

гой регламентацией, трудолюбием и правилами, которые соблюдались, конечно же, не всеми, но наибольшей частью жителей колоний. Похожее умозаключение относительно причин расколов среди крестьян находим и у П. Д. Киселёва, который пояснял: «Распространение расколов (в числе коих некоторые, по моему мнению, требуют особого наблюдения) происходит более от необходимости, так сказать, круговой защиты, ибо люди, присоединившиеся к расколу, обращаются в оный большею частью не по чувствам какого-либо убеждения в догматичных началах, которых они мало или вовсе не понимают, но единственно для приобретения покровительства в кругу общества, которое, чем более усиливается разврат и безначалие в общей массе православных, тем более старается сохранить строгую нравственность и связь, основанную на взаимных пособиях» [17, с. 21].

Представленные выше рассуждения позволяют сделать промежуточный вывод о том, что первый опыт взаимных контактов и визуальных образов способствовал бессознательному формированию межгрупповых автоматических этностереотипов, которые, по нашему убеждению, на начальном этапе колонизации обладали нейтральной валентностью, но при этом содержали в себе некоторые сюжеты и протонастроения как позитивного, так и негативного характеров: нулевая статичная фаза проблемы, баланс между позитивом и негативом. Автостереотипы могли быть использованы для формирования общественного мнения различной направленности в зависимости от желания и потребностей отдельных политиков и деятелей, заинтересованных в той или иной форме активизации немецкой проблемы, что и случилось в условиях развития «немецкого вопроса».

Различие в правовых условиях как фактор идеологической спекуляции и появления ресентимента. Различные правовые условия, в которых оказались колонизационные потоки, следует рассматривать как одну из ключевых причин ресентимента.

Для исследователей колонизации не является откровением тот факт, что обустройство эмигрантов и внутренних поселенцев осуществлялось на разных условиях. О непростом положении великороссийских крестьян писал, например, Э. Ришелье в своём письме Д. А. Гурьеву: «Имейте милосердие к нашим бедным переселенцам, не доводите их до совершенного разорения... Если иностранные переселенцы при переходах и при водворении только от казны вспомошествовать, пользуются активной льготой, то по мнению моему,

весьма заслуживают облегчение внутренние наши переселенцы» [19, с. 192]. Характеризуя процессы заселения южных территорий российскими крестьянами и сравнивая их положение с иностранными переселенцами, советский исследователь В. М. Кабузан подчеркивал, что «о таких льготах отечественные переселенцы не могли и мечтать. Они не получали от казны никакого пособия и не пользовались никакими льготами. Многие из них переселялись в Новороссию самовольно, на свой страх и риск» [19, с. 167].

Несмотря на то, что ещё со времён Екатерины II были предприняты некоторые попытки эмансипации положения государственных крестьян*, все они долгое время оставались своеобразной «декларацией о намерениях». По многим причинам (учитываем и тот факт, что сами крестьяне ментально и психологически не были готовы к нововведениям) практическая реализация данных законов затягивалась, и государственные крестьяне, как показывают исследования отечественных и зарубежных историков, продолжали сохранять ряд признаков крепостного состояния, которые не были ликвидированы даже реформой П. Киселёва. Они были прикреплены к сельскому обществу, выполняли рекрутскую повинность, были связаны круговой порукой, выплачивали подушную подать [29, с. 392]. Всё это существенно сдерживало возможность появления фигуры «капиталистического» крестьянина-фермера. Анализ положения государственных крестьян, проведённый накануне принятия реформы П. Киселёва, показал крайне неблагоприятное состояние дел. Государственные крестьяне, которые находились в ведомстве Министерства финансов, существовали едва ли не безнадзорно. Министр финансов Егор Канкрин признавал, что он знает непозволительно мало о положении государственных крестьян, и последние брошены фактически на произвол судьбы. При этом что государственные крестьяне имели некоторые правовые преимущества по сравнению с крепостными, они не могли ими эффективно воспользоваться. Их земельные наделы были столь малы, что они едва ли могли обеспечить минимальный уровень жизни для себя и сво-

их семей. Хорошие урожаи были редкостью. Как замечает Б. Н. Миронов, ссылаясь на наблюдения В. О. Ключевского, «крепостное право» было не просто одним из институтов российского государства, но и средой, в которой происходила жизнь каждого члена общества. Оно способствовало формированию командной экономики, политического абсолютизма, авторитарных отношений в обществе. Создавало общественную психологию «всеобщего похолопления», то есть обуславливало сервильность как психологический стереотип [29, с. 413].

Посещая Таврическую губернию, Д. П. Киселёв с возмущением замечал, что много земель, «прежде принадлежащие ханам, а затем, по завоевании Крыма, перешедших в собственность казны, незаконным образом распродано чиновникам этой губернии другим алчным скупщикам этой земли, которые большею частью, по неимению способов, не могут ни заселять её, ни завести порядочное хозяйство» [16, с. 50]. При этом Киселёв выступал и против другой «крайности» – чрезмерных выплат и раздач земель колонистам. В частности он вел полемику с чиновником Министерства внутренних дел Корсаковым, который предлагал выдать дополнительные средства виртембергским переселенцам. Киселёв считал такую политику разорительной для государства; предлагал большее внимание уделять не льготам, а попечительству, хлопотал в том, что под надзор Управления государственными имуществами «кроме государственных крестьян, следует присоединить и все прочие сословия, водворенные на казённых землях (иностранцев поселенцев и кочующие народы)» [16, с. 53]. П. Д. Киселёв писал Э. Ришелье: «...Новое положение и общие правила мне кажутся необходимыми. Южная Россия не то, что была; ныне она заселилась русскими и может иметь уже одинаковое с Россией управление. Странно видеть, что в одном государстве, у одного народа на каждом шагу права и управление разные» [16, с. 28].

Слухи о готовящихся преобразованиях стали проникать и в колонистскую среду [17, с. 59]. На наш взгляд, именно данные наме-

* Так, например, в 1787 г. сельскому обществу было предоставлено право юридического лица («Учреждение сельского порядка в казённых селениях Екатеринославского наместничества»). С 1801 г. государственные крестьяне получили права на приобретение недвижимой собственности, а с 1805 г. в состав мирского схода входили только домохозяева. В 1811–1812 гг. сельское общество приобрело право судебной власти над своими же членами, а в 1812 г. был принят закон, определяющий порядок перемещения казенных крестьян и казаков в Новороссийский край, предоставлявший пятилетнюю льготу всем переселившимся после 1805 г. Кроме этого, права частной собственности стали распространяться на государственных крестьян с конца XVIII ст. Указы 1798, 1799, 1812 гг. предоставляли крестьянам право заниматься торговой деятельностью, а законы 1818, 1824 гг. – промыслами. С 1801 г. казённые крестьяне и вольноотпущенники получили право приобретения земель [17, с. 31–32].

рения стали причиной того, что меннониты пожелали подтверждения своих привилегий, что и привело ко всем известному «Делу Варкентина» [44]. Важно, что критика колониционной программы звучала не в адрес самих колонистов, а, скорее, в адрес чиновников и политиков. И когда в июле 1841 г. граф Киселёв посетил меннонитов и духоборов в рамках инспекции сельского хозяйства, он остался весьма доволен хозяйственным состоянием поселенцев [17, с. 85]. Об изменении податных условий меннонитов власти задумались после экспедиции П. Кепшена в 1841 г., однако их земельная подать возросла лишь в 1862–1863 гг. [39, с. 133]. Таким образом, и за десятилетия до Самарина – первого идеолога немецкого вопроса – высказывались неодобрительные голоса о колонизации. Они, однако, ввиду определённых обстоятельств, не были столь логично изложены и не всегда были услышаны.

В процессе колонизации было достаточно примеров прямого пренебрежения благополучием своих крестьян (великороссов и малороссов) во имя обеспечения успешного проведения колониционной программы и возможности отрапортовать вышестоящим органам. В качестве иллюстрации можно упомянуть прецедент о возникновении швабского поселения, отраженный в переписке (за 1828–1829 гг.) между министром внутренних дел Российской империи А. А. Закревским и графом М. С. Воронцовым. Последний выступал против требования властей поселить швабов на месте ранее существовавшего поселения (около 50 семей) близ Аккермана [37]. Воронцов пояснял: «Я люблю колонистов и всякое новое водворение в пустом сем крае, но имея миллион земли, никем не занятой, не могу понять возможность или пользу разорять деревню, за несколько лет выстроенную, и выгнать людей, заведших уже хозяйство, для вновь прибыть имеющих, и которым можно дать сколько угодно земли в тех окрестностях без обиды кому бы то ни было (!)...» [37, с. 53]. Воронцов бесконечное количество раз убеждал вышестоящих чиновников, что «выгонять целую деревню есть вещь и безрасудная, и, можно сказать, криминальная» [37, с. 55]. Он также сообщал центральному ведомству, что местных жителей подвергали насильственному перемещению. Люди противились переселению, однако их «...по шеям выгоняли», а исполнительные «чиновники не стыдились лгать для успеха в сем намерении» [37, с. 57]. Данный пример является ещё одним подтверждением того факта, что одной из главных причин возникшего во вре-

мя колонизации диспропорционального положения между этническими группами является не только колониционная программа, но и способы её воплощения, которые не всегда были безупречными и во многом зависели от человеческого фактора, а в данном случае – от отношения ответственных за реализацию проекта людей на местах.

Состояние немецких колоний резко контрастировало с положением российских деревень. Описывая «Привилегии» меннонитов и требуя от них новых хозяйственных успехов, А. Фадеев в одном из писем Й. Корнису (от 13 июля 1831 г.) в который раз повторял: «...Государство даровало меннонитам привилегии, так как оно верило, что меннониты будут способны выполнить требования власти. Меннониты получили самое лучшее положение по сравнению со всеми русскими поселенцами и государственными крестьянами, особенно это касается системы обложения, права использовать прибыли от пивоварения на благо общины, большие наделы земли по сравнению с другими иноземными переселенцами, и наконец, освобождение от воинской повинности...» [51, р. 277]. Далее Фадеев признает, что «меннониты уже показали себя лучшими своими стараниями и успехами в области отдельных отраслей хозяйства... Их деревни хорошо устроены и поддерживаются местными жителями в полном порядке... Они ведут тихий и мирный образ жизни, и их поведение достойно уважения. О них с похвалой отзывается власть и те, кто посещал селения...» [там же]. В данном мотивационном послании очень кратко, но опять же представлен визуальный ряд того, что могли видеть в селениях (в том числе и в большинстве колоницистских) их чиновники-надзиратели, путешественники или же случайные посетители – соседи. Для нас важно признать, что успехи колонистов власти напрямую связывали с привилегиями.

В данной публикации нет необходимости заново описывать права колонистов, показывать их преимущества в сравнении с фактически бесправным положением местного крестьянского населения, поскольку данный анализ был неоднократно проделан в работах современных авторов [8]. Однако, на наш взгляд, следует порассуждать о психологической природе обвинений, сформулированных против немцев вначале публицистами, а затем политиками середины XIX ст. Примем во внимание, что причерноморские немцы стали мишенью для критики и преследований после того, когда Ю. Ф. Самарин описал ситуацию в Остзейских губерниях [40]. Уже в

1840–1860-х гг. в работах российских публицистов были представлены следующие положения немецкой проблемы: 1) был поднят вопрос о привилегированном положении немцев и несовершенстве внутренней политики относительно колонизации и нетитульных этнических групп; 2) звучали призывы к реформированию и правовой унификации относительно условий развития немецкоязычного населения как важнейшей государственной задачи; 3) шла речь об опасности германизации. И. С. Аксаков именовал немцев «паразитами и чужаждо», которые живут замкнуто, развивают племенной инородческий патриотизм и сепаратные настроения на окраинах [1, с. 63]. Были сформулированы тезисы о «внутренних врагах» и «верном оплоте», «государствах в государстве», безмерном расширении немецкого землевладения, преданности и лояльности; 4) М. Н. Катков предупреждал своих читателей о том, что немецкий этнос имеет высокий потенциал культурного влияния. Он упоминал евреев, которые в религиозной практике использовали немецкие тексты [30]; 4) были высказаны идеи о необходимости языковой реформы; 5) прозвучал призыв к консолидации подданных против внутреннего врага и так далее. Таким образом, «мобилизация» российской нации (известное выражение Б. Андерсена) происходила по антагонистическому сценарию «союза против».

При попытке соотнесения данных тезисов с реалиями колонизации становится абсолютно очевидным, что те обвинения, которые в дальнейшем были выдвинуты против колонистов (замкнутость и сохранение социальной/культурной дистанции, рост землевладения, религиозная и языковая замкнутость, низкая система налогообложения, надконкурентные условия), были невольны «спровоцированы» программой и методами самой колонизации, а следовательно, и властью. Никто не будет отрицать, что предоставляя льготы «тем, кому положено», кто ими мог конструктивно воспользоваться, власти добились успешных результатов экономической инкорпорации региона в состав Российской империи. Развивая новые земли, ведя торговлю и в южном, и в северном направлении, формируя отдельные виды промышленности и торгуя своими изделиями, колонисты объективно делали Юг всё более российским. Оказавшись в надконкурентных условиях (вовсе не по своей вине), колонисты и меннониты действовали исключительно в рамках созданного для них правового поля и согласно логике социально-экономического развития их колоний,

согласно правилам их отношения к событиям. Тем не менее, в ходе развития «немецкого вопроса» как националистического концепта ответственность за «ошибки» власти была перенесена на самих колонистов. Другими словами, просчеты колонизации были использованы для «пробуждения» ресентимента.

«Пробуждение» ресентимента. На наш взгляд, ресентимент является важным пояснением и психологическим обоснованием социального поведения тех субъектов «немецкого вопроса», которые в ходе его развития заняли враждебную по отношению к немцам позицию. Термин «ресентимент» обозначает психологический комплекс состояний бессилия, затаенной обиды, мстительности, трусости. Его смысл также кратко характеризует его название как «синдром ущербной агрессивности». Впервые в социально-психологическом контексте понятие было интерпретировано Ф. Ницше в работе «К генеалогии морали» [31]. В работе философа ресентимент представлен как мораль рабов, которая противостоит морали господ. Как заметила Н. Гундорова, ресентимент обладает значительным креативным потенциалом, «который служит способом и оружием самоутверждения слабого в отношении с сильным» [14]. Люди, как писал Ницше, страдают больше не от природных катастроф, а от социальных неурядиц, в результате которых массы психологически испытывают ресентимент, то есть психическую депрессию, для которой характерны чувства униженности, собственной ущербности, затаенной обиды, подавляемой мстительности, парализующего волю бессилия. Не имея возможности, силы воли или других качеств для позитивного прорыва и переживая неудачи, субъект создает образ «врага», чтобы избавиться от чувства вины за собственные неудачи [4]. На наш взгляд, коллективный ресентимент, свойственный не отдельному индивидууму, а определённой социальной группе, возникает тогда, когда по разным причинам общество вдруг оказывается связанным общей эмоцией ненависти, комфортной для многих членов общества, вовлеченных в сферу глобальной «раздражающей» социум проблемы.

Анализ современных исследований относительно ресентимента, а также наши собственные наблюдения позволили сформулировать следующие обстоятельства появления ресентимента как проявления общественной/групповой психологии:

1) его нередко используют политики, когда хотят снять с себя ответственность за неудачи. Они навязывают обществу образ врага,

тем самым переводя внимание «недовольных» с себя на других, более благополучных членов социума, которые объявляются по определённым признакам виновными в бедах и несчастиях общества;

2) использование ресентимента приводит к временной консолидации отдельного социума, который видит общего врага и пытается совместными усилиями противостоять ему. Возникает объединяющая всех негативная групповая эмоция, которая, однако, является временным, отвлекающим фактором и не способствует поиску решения истинной проблемы социума. Проблема, таким образом, переносится «во вне», отторгается и не связывается с членами данного коллектива/социума/группы. Проблема не решается, и данное, страдающее ресентиментом общество неизбежно оказывается на пороге нового кризиса, при этом его консолидация оказывается непрочной. По выражению М. Шелера, «непродуктивность ресентимента состоит в том, что формируется негативная эмоция, обладающая непродуктивным качеством» [48];

3) ресентимент «награждает» своих носителей эффектом мнимого «морального воздаяния», который часто не указывает на истинного виновника, а «назначает» его, но при этом возвращает чувство самоуважения и собственного достоинства самому обществу, в нашем случае – низам (и не только), поскольку снимает с них ответственность, во-первых, за собственные поражения/неуспех, а во-вторых, за те бесчинства, которые в дальнейшем могут совершаться носителями ресентимента. Психоэмоциональным аффектом насилия сплочается сообщество, а для отдельного индивида насилие становится средством духовного освобождения от бремени чувства неполноценности;

4) в обществе, поражённом ресентиментом, формируется особая система отношений, которая отрицает право на существование в обществе той социальной группы, которая рассматривается (часто незаслуженно) в качестве врага. Проведя анализ взаимоотношения различных культур, Ю. М. Лотман высказал идею о том, что межкультурный диалог между различными по уровню развития культурами включает в себя три закономерных стадии. Первая из них характеризуется стремлением одной из культур освоить более богатое духовное наследие более сильного партнёра. На следующей стадии происходит «присвоение» заимствованных идей, их своеобразная «национализация», узаконивание: культура как бы пытается «убедить» себя в том, что заимствованные идеи и духовный опыт уже давно

существовали в ней самой и являются ее законной «собственностью». И наконец, третья стадия диалога сопровождается растущей неприязнью к той культуре, которая изначально была источником положительного культурного наследия [46]. Фактор отторжения более авторитетной культуры, таким образом, является предсказуемым явлением и также объясняется ресентиментом;

5) в результате ресентимента повышается градус агрессии в обществе, которое всё более теряет свойство сострадания к назначенным им врагам. Ницше пояснял это следующим образом: «Как много уважения к своим врагам несет в себе благородный человек! Представьте же теперь себе «врага», каким измышляет его человек ресентимента, и именно к этому сведется его деяние, его творчество: он измышляет «злого врага», злого как раз в качестве основного понятия, исходя из которого и как послеобраз и антипод которого он выдумывает, и «доброе» – самого себя!» [31, с. 427]. По Шелеру, ресентимент сложно искоренить. Он обладает свойством цикличности и все время возвращается, что вызывает состояние «послечувства», или «новоощущения». Такое состояние превращается в некую психологическую установку [14]. Ресентимент связан не только с мстью, но и с фантазией: удерживание и повтор негативной эмоции погружает в некий иллюзорный и фантастический мир, из которого, по Шелеру, невозможно вырваться [48].

Ресентимент российского крестьянства как самой обездоленной части даже не общества, но населения государства, которое находилось вне системы гражданского общества, но прошло через сервильное прошлое, имел множественное приложение. Он мог быть направлен против любого собственника и, прежде всего, против дворянства. Однако одна из первых форм ресентимента низов российского общества возникла и в рамках антинемецкой риторики.

Ресентимент, как объяснительная эмоция в условиях развития немецкого вопроса, стал формироваться в середине XIX ст. Поскольку в подсознательном прошлом крестьянства и в этнических автостереотипах, как было сказано, преобладали нейтральные эмоции, для пробуждения ресентимента необходима была инициатива (вольная или невольная) / желание отдельных лиц, которые своей риторикой и убеждениями могли нарушить ранее установленное эмоциональное равновесие. Безусловно, в XIX ст. речь не шла о манипулировании, подобном современным политическим технологиям. В работах Ю. Ф. Самарина,

М. Н. Каткова, И. С. Аксакова поднимались вопросы социальной справедливости, правовой унификации, эффективности администрирования окраин. О колонистах много говорили и «на местах». Риторика антинемецкой и антиколониристской пропаганды слились в 1860–1870-е гг. – десятилетие реформ. При этом парадокс ситуации состоял в том, что, вовлекая российское крестьянство в рассуждения или (чаще) действия в духе национализма, образованное общество, наконец-то, делало его частью российского общественного мнения, вовлекало его в социальные процессы.

Связывая коллективный ресентимент с историей развития «немецкого вопроса» и низового национализма, обратим внимание на факторы, которые обусловили данную связь. Наша задача состоит в том, чтобы ответить на вопрос, почему ресентимент относительно немецкого населения стал возможен и риторика о «внутренних врагах» сработала, то есть проявилась в дальнейшем в форме бытового/низового национализма. Причины этого, на наш взгляд, следует искать в следующих характеристиках крестьянства (малороссов и великороссов), а также частично всего российского общества:

1) в доверчивости и низкой образованности крестьянства, их доверительно-наивным отношением ко всему, что исходило «сверху» – от барина, чиновника, царя. Благодаря этим качествам, низы легко было убедить и переубедить, превратив своих «других» в чужих «других»;

2) в низкой информативности о жизни окружающего их населения и истинных проблемах «других». Жизнь немецкоязычных колоний была для многих окружающих идеальной и необъемной линейной картинкой: прибыли – получили привилегии – процветают. Проблемы, сложности, каждодневный труд колонистов были скрыты от большинства окружающих. Критика немецкого населения пришла в Причерноморские колонии благодаря Остзейскому вопросу. Как показывают современные исследования, во многих отношениях положение прибалтийских окраин, история жизни их немецкого населения в составе империи, их статус существенно отличались от подобных характеристик Причерноморских немцев [3]. Однако механизм убеждения заработал, и ему легко поверили. Едва ли кто-либо думал о соответствии обвинений и истины, в том числе и потому, что в социальной памяти был сохранен и некоторый негативный опыт контактов, который стал возводиться в абсолют;

3) следует обратить внимание и на социально-психологический климат эпохи – исторический момент возникновения и развития немецкого вопроса. В середине XIX ст. Российская империя находилась на пороге реформ – кардинальных изменений, когда различные социальные группы, переживающие кризис социальной идентичности (особую ситуацию сознания, когда большинство социальных категорий, с помощью которых человек определял своё место в обществе, утратили свои ценности), были вовлечены в процессы социального расслоения. Данные обстоятельства существенно контрастировали с условиями конформистского общества (о нём речь шла во второй части нашей публикации), когда человек находился в прямой зависимости от традиционных установок, ранее выработанных группой. Эпоха перемен середины XIX ст. принесла с собой хозяйственные трудности, политическую нестабильность, вызванные обстоятельствами Крымской войны и подготовкой земельной реформы. Такие трансформационные периоды характеризуются увеличением индивидуального и группового напряжения, агрессивностью, попыткой перенести ответственность на другого, упростить ситуацию путем формирования образа индивидуального и группового врага. В таких условиях с особой лёгкостью формируются эмоциональные группы;

4) в условиях переходного исторического периода общество лишается стабильности, веры в свою жизнестойкость, а следовательно, утрачивает толерантность. Заметим, что толерантность – это качество устойчивого и уверенного в себе социума, осознающего надёжность собственных позиций, а потому открыто признающего права других быть разными [36, с. 74]. Таким образом, ресентимент является закономерным проявлением неудовлетворённости социума, прежде всего, самим собой. Характерно, что в условиях ресентимента психологический опыт отдельных этнических групп меняет свою направленность, и восприятие действительности меняет свою валентность – с нейтральной (толерантной) на негативную, что влечет за собой изменение группового поведения. Для объяснения данного явления обратимся к исследованиям А. Тешфела. Его теория социальной идентичности основывается на следующих позициях: 1) индивид, считая себя членом определённой социальной группы, стремится оценить её позитивно по сравнению с другими релевантными группами; 2) для данного сравнения проводится сопоставление своей социальной группы и конкурентной группы, что имеет

эмоциональное сопровождение; 3) если такое сравнение происходит не в пользу собственной идентичности, происходит «переживание» отношения к своей группе через проявление различных чувств – от любви и гордости до ненависти, обиды [52, с. 72]. Добавим, что последнее также может привести не к осознанию необходимости самосовершенствования, а к ресентименту. В перспективе именно это приведёт к антинемецким погромам (на низовом уровне) и Ликвидационному законодательству (на государственном);

5) важным для пробуждения ресентимента был идеологический фактор. Именно появление немецкого вопроса как националистического концепта создало мнимую проблему реальной угрозы и вывело межэтническую ситуацию из равновесия. Главным путём активизации немецкой проблемы был путь «эмоционального заражения». Для убедительности из лабиринтов архетипической памяти извлекались факты опыта негативного взаимодействия. Идеологи национализма демонстрировали разность ментальных характеристик, но подавали их не нейтрально, а как проявление угрозы, мнимого германизма, который является источником бед Российского государства. Этнические особенности немецкого населения, их природа просто по факту их рождения и кровной принадлежности ставились в вину этнической группе. Более того, в негативных проявлениях «русскости» при описании положения крестьянства на Юге империи также обвиняли немцев, которые якобы своим присутствием способствовали закреплению данных качеств. Данное эмоциональное, а не рациональное воздействие эффективно сработало на почве восточнославянской ментальности. За десятилетия развития немецкой проблемы отдельные, неоднократно повторяемые позиции концепта приобретали эффект суггестивного внушения как воздействия, которое избегает рационального пояснения, сохраняется в архетипических структурах и приобретает форму априорного представления.

Выводы. Для Российской империи XIX ст. явилось периодом осознания необходимости, а затем мучительных попыток формирования национальной идеи. В ходе данного процесса российское общество не только дискутировало вопрос о составе нации, но и пристально оценивало возможных претендентов – многочисленное иноязычное население России, которое не принадлежало к титульной этнической группе, изучая его отдельные компоненты на предмет «полезности», толерантности и благонадёжности для

огромного государства. Следует признать, что сценарий становления российского национализма пошёл не по пути консолидации, а по пути группового противопоставления, поисков и выделения часто мнимых антагонизмов, которые признавались большинством идеологов как непреодолимые. И, хотя в теоретическом обосновании различных националистических концептов, включая и «немецкий вопрос», основная роль была отведена элите и образованной части общества, важная практическая функция в розыгрыше националистического сценария выполнялась низами российского социума. Массы/низы, которые долгое время находились за пределами общества и присущих ему правовых возможностей, участвовали в продвижении «немецкого вопроса» на уровне бытового национализма. Для активации антинемецких настроений были использованы автостереотипы – устойчивые представления, сформированные в ходе колонизации в результате близких и дистанционных контактов между отдельными этническими группами. Данные представления откладывались и сохранялись в области коллективного бессознательного и социальной памяти, но в условиях конформистского – строго регламентированного и домодерного переходного общества принимались отдельными субъектами скорее информационно-теоретически, как «данность о другом», имели нейтральный характер и были преимущественно лишены агрессивности. Лишь в ходе постепенной, но последовательной концептуализации и обоснования «немецкого вопроса», в условиях системного социального кризиса, который разразился в империи со второй трети XIX ст., упомянутые автостереотипы были «разбужены» и заново переосмыслены. Им были отведены инструментальные функции формирования ресентимента. Ресентимент как «дух мщенья» (чувство, сложный комплекс переживаний, в ходе проявления которого логика разума отступает, а хаос эмоций преобладает) был использован сторонниками национализма для сплочения общества вокруг титульной этнической группы, формирования эмоциональных сообществ и решения ими своих разноплановых задач (личных, экономических, политических) для устранения конкуренции со стороны наиболее стабильных и успешных этнических групп, включая немцев. В течение всего долгого периода развития немецкого вопроса ресентимент выступил как психологический мотиватор группового агрессивного поведения низов российского общества в межэтнических конфликтах.

Библиографические ссылки

1. Аксаков И. С. По поводу «Окраин» Ю. Ф. Самарина // *Аксаков И. С. Полн. собр. соч.* – М. : Типография М. Г. Волчанинова, 1887. – Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. – С. 62–69.
2. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 287 с.
3. Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. – СПб: Изд. дом «Мир», 2008. – 312 с.
4. Апресян Р. Г. Ресентимент и историческая динамика морали // *Этическая мысль.* – М., 2001. – Вып. 2. – С. 27–40.
5. Афанасьева Л. В., Денисов І. Г., Орлов А. В., Попенко Я. В. Проблема національної ідентичності та менталітету в етнонаціональному бутті // *Етнокультурний ландшафт Північного Приазов'я. Монографія / ред. Афанас'єв Л. В., Крилова М. В.* – Запоріжжя – Мелітополь: МДПУ, 2004. – 276 с.
6. Безносова О. Екатеринославская губерния: Terra incognita евангельского движения в Российской империи (середина XVIII в. – 1917 г.). – *Stainhaden: Samen-korn*, 2014. – 543 с.
7. Бойко А. Південна Україна останньої чверті XVIII стол. – Запоріжжя: РА «Тандем-У», 1997. – 204 с.
8. Брандес Д. Причерноморские немцы // *Немцы России: Энциклопедия: в 4 т.* – М.: ЭРН, 2006. – Т. 3. – С. 153–165.
9. Брук С. И. Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII – нач. XX в. // *Советская этнография.* – 1981. – № 5. – С. 23–24.
10. Венгер Н. В. «Німецьке питання» в оцінці І. С. Аксакова та Ю. Ф. Самарина: діалог з російським суспільством у десятиліття Великих реформ (1860–1870) // *Вопросы германской истории.* – Д.: Вид-во ДНУ, 2011. – С. 30–52.
11. Винницький І. **Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте»** // *Новое литературное обозрение.* – 2012. – № 5. – С. 441–460.
12. Гавел «Корнис И. И.: биографии сельских хозяев» // *Журнал министерства государственных имуществ.* – 1848. – Ч. 29. – № 10–11. – С. 294.
13. Готлиб Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедания и других достопамятностей: в 4 ч. – СПб: Изд-во Ивана Глазунова, Академии наук 1799. – 446 с.
14. Гундорова Т. Транзитная культура и постколониальный ресентимент // *НЛО – 2017.* – № 2. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/2/tranzitnaya-kultura-i-postkolonialnyj-resentiment.html> (дата:звернення 30.04.18)
15. Елисеєва О. И. Геополитические проекты Г. А. Потёмкина. – М. : Институт Российской истории РАН, 2000. – 342 с.
16. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф Д. П. Киселёв и его время: в 4 т. – СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1882. – Т. 1. – 448 с.
17. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф Д. П. Киселёв и его время: в 4 т. – СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1882. – Т. 2. – 355 с.
18. Заблоцкий-Десятовский А. П. О крепостном состоянии в России // *Граф П. Д. Киселёв и его время.* – СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1882. – Т. 4. – 309 с.
19. Кабузан В. М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1876. – 307 с.
20. Карагодин А. И. История Запорожского края (1770–1919). – Запорожье: ЗГУ, 1998. – 285 с.
21. Контеніус С. Х. про іноземну колонізацію Південної Росії: Збірка документів. 1801–1829 рр. / укл. ред. О. В. Айсфельд. – Одеса: Астропринт, 2003. – 76 с.
22. Костомаров Н. Об историческом значении русской народной поэзии // *Костомаров М. И. Слов'янська міфологія.* – К., 1994. – 382 с.
23. Корж. От Сечи Запорожской: Устное повествование бывшего запорожца, бывшего жителя Екатеринославской губернии и уезда. – Днепропетровск: Собр., 1991. – 63 с.
24. Кутковая Е. С. Дискурс-анализ эмоций и теория позиционирования в исследовании социального события // *Психологическое исследование.* – 2014. – № 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/958-kutkovaya34.html> (дата звернення: 30.04.18).
25. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М., 1985. – 556 с.
26. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А. Д. Кошелев. М.: Гнозис, 1994. – С. 17–263.
27. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. – Москва : Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1827. – 234 с.
28. Мешков Д. Життєвий світ причерноморських німців (1781–1871). – Київ: ТОВ «Видавництво Кліо», 2017. – С. 246–325.
29. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.
30. Московские ведомости. – 1866.–№ 53. – С.154.
31. Ницше Ф. К генеалогии морали // *Ницше Ф. Соч.: в 2 т.* – Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 407–534.
32. Новицкий Я. Остров Хортица на Днепре, его природа, история, древности // *Новицкий Я. Твори в 5-ти т.* – Запоріжжя: ПП «АА Тандем», 2007. – Т. 1. – С. 350–410.
33. Новицкий Я. С берегов Днепра: Путевые заметки и исследования // *Новицкий Я. Твори в 5-ти т.* – Запоріжжя: ПП «АА Тандем», 2007. – Т. 1. – 508 с.
34. Новицкий Я. Урочища, балки, річки, скелі, острови, міста і містечка Запорізького краю // *Новицкий Я. Твори в 5-ти т.* – Запоріжжя: ПП «АА Тандем», 2007. –Т. 2. – С. 160–242.
35. Олексеенко С. Бердянский уезд в сельскохозяйственном отношении // *Известия Петровской земледельческой и лесной академии.* – М., 1889.
36. Орбан-Лембрик Л. Толерантність як основа адекватних взаємин у полікультурному світі // *Соціальна психологія.* – 2008. – № 4. – С. 73–93.
37. Переписка министра внутренних дел Российской Империи А. А. Закревского с графом Воронцовым М. С. (1828–1829) // *Река времён: в 2 кн.* – М.: Эллис Лак, 1995. – Кн. 1. – С. 49–69.
38. Почебут Л. Г. Социальная психология толпы. – СПб., 2004. – 231 с.

39. Российский государственный исторический архив (Россия, г. Санкт-Петербург) (далее РГИА). Ф. 1181. Оп. 18. Д. 71, 1861.

40. Самарин Ю. Ф. Окраины России. Вып. 1 // Самарин Ю. Ф. Сочинения: в 8 т. – СПб: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1980. – Т. 8. – С. 1–177.

41. Самарин Ю. Ф. Сочинения : в 12 т. – М.: Д. Самарин, 1877–1911. – Т. 7 (1889). – 659 с.

42. Сас П. М. Запорозьких козаків система цінностей // Енциклопедія історії України: у 10 т. / Редкол.: В. А. Смолій та ін.; Інститут історії України НАН України. – К.: Наук. думка, 2005. – Т. 3. – 672 с.

43. Синкевич З. В. Социология и психология национальных отношений: учебное пособие. – СПб.: Издательство Михайлова В. А. – 203 с.

44. Стэйплз Дж. Религия, политика и меннонитская Жалованная грамота в начале XIX в. в России: Пересмотр дела Варкентина // Вопросы германской истории. – Днепропетровск : РВВ ДНУ, 2003. – С. 4–22.

45. Татаренко Д. Етнічні кордони та міжетнічна толерантність // Політичний менеджмент. – К., 2004. – № 5. – С. 31–29.

46. Чернышова А. В. Понятие культуры в структурно-семиотической концепции Ю. М. Лотмана // Исто-

рические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5: в IV ч. – Ч. III. – С. 184–187.

47. Шаталов Д. Уявлення про козацтво. Українське козацтво у суспільній думці другої половини XVIII – першої половини XIX ст. – Дніпро: Домінанта Прінт, 2016. – 256 с.

48. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А. Н. Малинкина. – СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. Режим доступа: www.max-scheler.spb.ru/content/view/86/37 (дата обращения: 17.02.2017).

49. Яворницкий Д. Запорожье в остатках старины и преданиях народа: в 2 ч. – К.: Веселка, 1995. – Ч. 1. – 447 с.

50. Epp D. Johan Cornies. – Winnipeg, Manitoba, 1995. – 137 p.

51. Transformation on the Southern Ukrainean Steppe: Letters and papers of Johann Cornies / trans. Ingrid Epp, ed. H.L. Dyck, I. Epp, J.R. Staples. – Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2015. – 576 p.

52. Turner J., Giles H. The experimental social psychology of intergroup behavior // Intergroup Behavior. – Oxford, 1981. – P. 66–101.

References

1. Aksakov I.S. (1887) Po povodu «Okrain» YU.F.Samarina [Regarding the «Outskirts» by Yu.]. vol. 6, pp. 62–69.

2. Andreyeva G. M., Bogomolova N. N., Petrovskaya L. A. (2002) *Zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya XX stoletiya: Teoreticheskiye podkhody* [Foreign social psychology of the XX century: Theoretical approaches: manual for Universities]. Moscow: The Aspect of Press. (in Russian).

3. Andreyeva N.S. (2008) *Pribaltiyskiye nemtsy i rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v nachale XX veka* [Baltic Germans and Russian government policies in the early twentieth century]. St. Petersburg: the World. (in Russian).

4. Apresyan R. G. (2001) Resentiment i istoricheskaya dinamika morali [The resentment and the historical dynamics of morality]. *Ethical Thought*, p. 2, pp. 27–40.

5. Afanas'yeva L. V., Denysov I. H., Orlov A. V., Popenko YA. V. (2004) Problema natsional'noyi identychnosti ta mentalitetu v etnonatsional'nomu butti [The problem of national identity and mentality in ethnic-national everyday life]. Zaporozhye – Melitopol. (in Ukrainian).

6. Beznosova O. (2014) *Yekaterinoslavskaya guberniya: Terra incognita yevangel'skogo dvizheniya v Rossiyskoy imperii (XVIII v. – 1917 g.)* [Ekaterinoslav Province: Terra incognita of the evangelical movement in the Russian Empire (18th century – 1917). Stainhaden: Samen Korn. (in Russian).

7. Boyko A. (1997) *Pivdenna Ukrayina ostann'oyi chverti 18 stol.* [Southern Ukraine at the last quarter of XVIII-th century]. Zaporozhye. (in Ukrainian).

8. Brandes D. (2006) Prichernomorskiye nemtsy [Black Sea Germans] *Nemtsy Rossii: Entsiklopediya* [Germans of Russia: Encyclopedia]. vol. 3, pp. 153–165.

9. Bruk S. I. Kabuzan V. M. (1981) Chislennost' i rasseleniye ukrainskogo etnosa v 18 – nach. XX v. [The number and resettlement of the Ukrainians in XVIII-th – at the beginning of XX-th century]. *Soviet ethnography*, no. 5, 23–24.

10. Venher N. V. (2011) «Nimets'ke pytannya» v otsyntsi I. S. Aksakova ta YU. F. Samarina: dialoh z

rosiys'kym suspil'stvom u desyatylittya Velykykh reform (1860–1870) [The “German Question”'s enterpretation by I.S. Aksakov and Yu.F. Samarina: A Dialogue with Russian Society in the Decade of Great Reforms (1860 – 1870)]. *Questions of German History*, pp. 30–52.

11. Vinnitskiy I. (2012) Zagovor chuvstv ili russkaya istoriya na «emotsional'nom povorote» [Conspiracy of feelings or Russian history at the “emotional turn”]. *New Literary Review*, no. 5, pp. 441–460.

12. Gavel, (1848) «Kornis I. I.: biografii sel'skikh khozyayev» [Cornies J.: Biographies of the farmers]. *Journal of the Ministry of State Domains*. p. 29, no. 10–11, pp. 294.

13. Gotlib G. (1799) *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch', uprazhneniy, zabav, veroispovedaniya i drugikh dostopamyatnostey* [Inventory of all the peoples living in the Russian state, their everyday rituals, customs, clothing, housing, exercises, funs, religion and other traits]. St. Petersburg. (in Russian).

14. Gundorova T. (2017) Tranzitnaya kul'tura i postkolonial'nyy resentment [Transit Culture and Postcolonial Resentment]. *New Literary Review*, no. 2, Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/2/tranzitnaya-kultura-i-postkolonialnyj-resentiment.html> (accessed 30.04.18).

15. Yeliseyeva O. I. (2000) *Geopoliticheskiye proyekty G. A. Potomkina* [Geopolitical projects of G. A. Potemkin]. Moscow. (in Russian).

16. Zablotskiy-Desyatovskiy A. P. (1882) *Graf D. P. Kiselov i yego vremena* [Count D.P. Kiselyov and his time]. vol. 1, St. Petersburg. (in Russian).

17. Zablotskiy-Desyatovskiy A. P. (1882) *Graf D. P. Kiselov i yego vremena* [Count D.P. Kiselyov and his time]. vol. 2, St. Petersburg. (in Russian).

18. Zablotskiy-Desyatovskiy A. P. (1882) *Graf D. P. Kiselov i yego vremena* [Count D.P. Kiselyov and his time]. vol. 4, St. Petersburg. (in Russian).

19. Kabuzan V. M. (1976) Zaseleniye Novorossii v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Settlement of the New

- Russia in the XVIII – first half XIX-th century]. Moscow. (in Russian).
20. Karagodin A. I. (1998) *Istoriya Zaporozhskogo kraia (1770–1919)* [History of Zaporozhye Region (1770–1919)]. Zaporozhye. (in Russian).
21. Kontenius S.KH. pro inozemnu kolonizatsiyu Pivdennoyi Rosiyi: Zbirka dokumentiv. 1801–1829 rr. (2003) [Kontenius S.Kh. about foreign colonization of the Southern Russia: collection of documents. 1801–1829]. Odessa: Astroprint. (in Ukrainian).
22. Kostomarov N. (1994) *Ob istoricheskom znachenii russkoy narodnoy poezii* [On the historical significance of the Russian folk poetry]. *Slavic mythology*. Kiev. (in Russian).
23. Korzh. (1991) *Ot Sechi Zaporozhskoy: Ustnoye povestvovaniye byvshego zaporozhtsa, byvshego zhitelya Yekaterinoslavskoy gubernii i uyezda* [From Sich Zaporozhskaya: Oral narration of a former Zaporozhets, a former resident of Yekaterinoslav province and uyezd]. Dnepropetrovsk: Cathedral. (in Russian).
24. Kutkovaya Ye. S. Diskurs-analiz emotsiy i teoriya pozitsionirovaniya v issledovanii sotsial'nogo sobytiya [Discourse analysis of emotions and the theory of positioning in the study of a social event]. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/958-kutkovaya34.html> (accessed 30.04.18).
25. Levi-Stross K. (1985) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow. (in Russian).
26. Lotman YU. M. (1994) *Lektsii po struktural'noy poetike* [Lectures on structural poetics]. *Yu.M. Lotman and Tartu-Moscow semiotic school*, pp. 17–263.
27. Malorossiyskiye pesni, izdannyye M. Maksimovichem (1928) [Malo-Russian songs, published by M. Maksimovich]. Moscow. (in Russian).
28. Myeshkov D. Zhytlyevyy svit prychnomors'kykh nimtsiv (1781–1871) [The Life World of the Black Sea Germans (1781–1871)]. Kiev. (in Ukrainian).
29. Mironov B. N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The social history of Russia in the period of the Empire (XVIII – beginning of the XX-th century)]. vol. 1, St. Petersburg. (in Russian).
30. Moskovskiy vedomosti (1866) [Journal «Moscow Vedomosti»]. no. 53, pp. 154.
31. Nitshe F. (1990) *K genealogii morali* [To the genealogy of morality]. vol. 2, pp. 407–534.
32. Novitskiy YA. (2007) *Ostrov Khortitsa na Dnepre, yego priroda, istoriya, drevnosti* [Island Khortytsya on the Dnieper, its nature, history, antiquity]. *Novitskiy J. Studies: in 5 vol.*, vol. 1, pp. 350–410.
33. Novitskiy YA. (2007) *S beregov Dnepra: Putevyye zametki i issledovaniya* [From the banks of the Dnieper River: Travel notes and studies]. *Novitskiy J. Studies: in 5 vol.*, pp. 178.
34. Novytskyy YA. (2007) *Urochyscha, balky, richky, skeli, ostrovy, mista i mistechka Zaporiz'koho kraiu* [Drains, beams, rivers, rocks, islands, cities and towns of Zaporozhye region]. *Novitskiy J. Studies: in 5 vol.*, vol. 2, pp. 160–242.
35. Olekseyenko S. (1889) *Berdianskiy uyezd v sel'skokhozyaystvennom otnoshenii* [Berdiansk district in agricultural terms]. *News of the Petrovsky Agricultural and Forestry Academy*, pp. 75.
36. Orban-Lembryk L. (2008) *Tolerantnist' yak osnova adekvatnykh vzayemyn u polikul'turnomu sviti* [Tolerance as the basis of adequate relationships in the multicultural world]. *Social psychology*, no. 4, pp. 73–93.
37. Perepiska ministra vnutrennikh del Ros. Imperii A. A. Zakrevskogo s grafom Vorontsovym M. S. (1828 – 1829) [Correspondence between the Minister of the Interior A.A. Zakrevsky and Count Vorontsov M.S. (1828–1829)]. *The River of Times: in 2 vol.*, vol. 1, pp. 49–69.
38. Pochebut L. G. (2004) *Sotsial'naya psikhologiya tolpy* [Social psychology of the crowd]. St. Petersburg. (in Russian).
39. Russian State Historical Archive (Russia, St. Petersburg) (as RGIA), f. 1181, inventory 18, file 71, 1861.
40. Samarin YU. F. (1980) *Okrain Rossii* [Outskirts of Russia]. Samarin Yu.F. Researches: in 8 vol., vol. 8, pp. 1–177.
41. Samarin YU. F. *Sochineniya : v 12 t.* (1889) [Samarin Yu.F. Researches: in 12 vol.]. vol. 7, Moscow. (in Russian).
42. Sas P. M. (2003) *Zaporoz'kykh kozakiv systema tsinnostey* [Zaporozhian Cossacks' system of values]. *Encyclopedia of History of Ukraine: in 10 vols.*, vol. 3, Kiev. (in Ukrainian).
43. Sinkevich Z. V. *Sotsiologiya i psikhologiya natsional'nykh otnosheniy: uchebnoye posobiye* [Sociology and psychology of national relations: textbook]. St. Petersburg. (in Russian).
44. Steyplz Dzh. (2003) *Religiya, politika i mennonitskaya Zhalovannaya gramota v nachale KHIXH v. v Rossii: Peresmotr dela Varkentina* [Religion, politics and Mennonite Privileges at the beginning of the XIX-th century in Russia: Revision of Varkentin's case]. *Questions of German history*, pp. 4–22.
45. Tatarenko D. (2004) *Etnichni kordony ta mizhetnichna tolerantnist'* [Ethnic Borders and Interethnic Tolerance]. *Political Management*, no. 5, pp. 31–29.
46. Chernyshova A. V. (2011) *Ponyatiye kul'tury v strukturn-semioticheskoy kontseptsii YU. M. Lotmana* [The notion of culture in the Y. M. Lotman's structural semiotic concept]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art studies. Problems of theory and practice*, no. 5, p. 3, pp. 184–187.
47. Shatalov D. (2016) *Uyavleniya pro kozatstvo. Ukrayins'ke kozatstvo u suspil'niy dumtsi druhoyi polovyny XVIII –pershoi polovyny XIX st.* [Opinion about the Cossacks. Ukrainian Cossacks in the public opinion of the second half of the XVIII – first half of the XIX-th century]. Dnipro: Dominant Print. (in Ukrainian).
48. Sheler M. *Resentyment v strukture moraley* [The resentment in the structure of morality]. Available at: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/86/37> (accessed 17.02.17).
49. Yavornitskiy D. (1995) *Zaporozh'ye v ostatkakh stariny i predaniyakh naroda: v 2 ch.* [Zaporozhye in the remnants of antiquity and the traditions of the people: in 2 vol.]. vol. 1, Kiev. (in Ukrainian).
50. Epp D. (1995) *Johan Cornies*. Winnipeg, Manitoba. (in English).
51. *Transformation on the Southern Ukrainean Steppe: Letters and papers of Johann Cornies* (2015). Trans. Ingrid Epp, ed. H.L. Dyck, I. Epp, J.R. Staples. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press. (in English).
52. Turner J., Giles H. (1981) *The experimental social psychology of intergroup behaviour*. *Intergroup Behaviour*, pp. 66–101.